

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЛ.-КОРР. РАН ВАЛЕНТИНЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ АВРАМЕНКО

«Каждый день по кривульке или циферке»

В созданном Валентином Александровичем Авраменко коллективе – лаборатории сорбционных процессов ИХ ДВО РАН – сейчас работает несколько поколений ученых. У всех своя история отношений, свои уроки и свое видение методов работы Валентина Александровича. Он удивительно чувствовал и людей, и время, принимая неизбежные изменения и находя подход к каждому, что позволяло ему быть близким, понятным и любимым для совершенно разных по убеждениям, характерам и возрасту коллег и учеников. Выдающиеся научные достижения Валентина Александровича хорошо известны всем и в нашем регионе, и далеко за его пределами. Здесь мы прежде всего вспоминаем, каким он был человеком, наставником и другом.

Е.В. Каплун, ведущий инженер-технолог: Валентин Александрович пришел в институт из ДВГУ в 1985 г. Директор института Виктор Юрьевич Глушенко пригласил его в свою лабораторию. В то время в лаборатории было несколько групп: продолжалась работа по химии моря, электрохимии, радиохимии. Жили при социализме – «тесненько, но дружно». Пришел Валентин Александрович к нам со своими выпускниками из университета – А.П. Голиковым, А.В. Войтом и В.В. Черных. Так образовалась группа Авраменко. Работали они увлеченно, как правило, до самого позднего вечера. «Каждый день по кривульке или циферке», – говорил В.А. Ежегодно к нам приходили студенты из университета на курсовые и дипломные работы. После дипломных работ остались работать в институте Д.В. Маринин, Д.В. Червонецкий, Т.А. Сокольницкая, С.Ю. Братская.

Лаборатория сорбционных процессов (неполный состав). 2016 г.

На время своего отсутствия Виктор Юрьевич оставлял заместителем Раису Сергеевну Прищепу. Как-то случилось и ей уехать, замом был назначен Авраменко. Когда Раиса Сергеевна вернулась, В.А. сказал: «Я ждал вас больше всех». Он никогда не хотел заниматься административными делами, которые очень отвлекали от работы. Поставить эксперимент самому всегда было его любимым делом. Но жизнь все-таки заставила Валентина Александровича стать завлабом. Он долго привыкал к этому. Мы называли В.А. «начальником», обращение по имени-отчеству ему не нравилось.

В.В. Железнов, д.х.н., ведущий научный сотрудник: Более 30 лет мы с Валентином Александровичем проработали «бок о бок». Придя в Институт химии в марте 1985 г., Валентин Александрович привел с собой «когорту» молодых сотрудников и обозначил новое направление: изучение и моделирование адсорбции при высоких давлениях (до 1000 атмосфер). Чтобы оценить трудоемкость этих исследований, попробуйте хотя бы измерить изменения объемов жидкостей при такой адсорбции! Говоря о целеустремленности Валентина Александровича, приведу такой пример: собирая установки, он освоил многие вспомогательные специальности, токарные и слесарные работы. Стеклодувы признавали в нем профессионала и в Москве подарили ему персональную горелку. Постепенно от чисто модельных и теоретических исследований Валентин Александрович перешел к практически значимым работам. При этом энциклопедические знания позволяли ему решать практические задачи на уровне «мировой новизны».

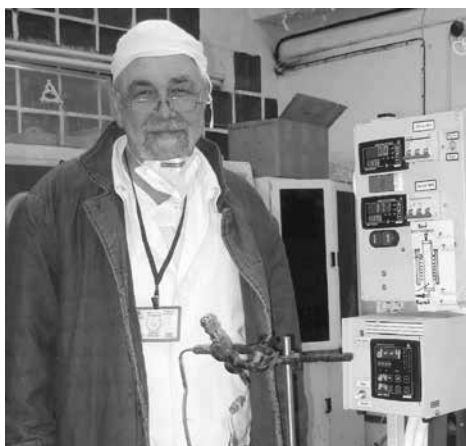
Валентин Александрович всегда ориентировался на молодежь. Он был для них не только наставником, но и примером. Все, кто надолго задержался в лаборатории, стали высококлассными специалистами. Он был «центром» любой компании, а его увлечения становились увлечениями всех. И главное – все его подчиненные чувствовали себя полностью «защищенными» в трудные для страны времена «перестройки».

А.В. Войт, научный сотрудник: Хочется вспомнить Валентина Александровича Авраменко, каким он был в далекие восьмидесятые, – еще не доктор наук, профессор, член-корреспондент, а простой кандидат, преподаватель Дальневосточного государственного университета. Мы познакомились и подружились, когда я был студентом третьего курса. Тогда он с несколькими студентами занимался очень интересной, хотя и не имеющей большого практического значения темой, связанной с термодинамикой адсорбции из бинарных растворов. Надо было видеть нагромождение вакуумных установок в 115-й лаборатории химфака, которые он делал сам. Как-то раз, заделывая очередную дырку, он вдохнул каплю ртути, испарившуюся под горелкой, и ему стало плохо. В другой раз разбился диффузионный насос, содержащий то ли два, то ли три литра ртути, и он вместе с нами все это собирал. Он не только сам делал установки, но и пытался научить стеклодувному делу своих студентов. В какой-то момент в лаборатории появилось «чудо» советской вычислительной техники – настольная ЭВМ ДЗ-28, вес 30 кг, память 16 Кбайт, скорость вычислений 10 операций в секунду. Валентин Александрович увлекся программированием, а программировать надо было в цифровых кодах, и стал обсчитывать термодинамические уравнения.

Но жизнь не ограничивалась наукой и учебой. Помню, как мы засиживались допоздна и спорили о парадоксе Гиббса (иногда с пивом). Почти всех своих студентов он «вытащил» в горы, многих приохотил к сплаву по рекам. Обошли с ним и Сихотэ-Алинь, и Саяны, и Алтай.

Примечательный момент: Валентин Александрович начал читать курс «Строение вещества». Мы с Алексеем Голиковым пришли на первую лекцию. После звонка В.А. подошел к нам и сказал: «Чтобы я вас здесь больше не видел, марш в лабораторию и работать». Не стоит говорить, что мы в итоге получили зачет. Он никогда не давал в обиду своих студентов, в том числе защищал нас от строгих преподавателей общественных наук.

В 1985 г. вместе с Виктором Юрьевичем Глушенко он перешел в Институт химии и позвал с собой трех студентов с нашего курса. Затем почти каждый год кто-то из выпускников ДВГУ приходил в лабораторию, многие до сих пор тут работают. Направле-

На Чернобыльской АЭС. 2011 г.

ния работы лаборатории были разные, но, по моему мнению, любимым делом Валентина Александровича была химическая термодинамика. Он по-прежнему сам делал установки, а на 8 марта всем женщинам дарил чертиков, выдутых из стеклянных трубочек. А затем грянули девяностые, жить стало трудно. Тогда-то у В.А., во многом случайно, появилась идея сотрудничества с флотом в области очистки жидких радиоактивных отходов, что предопределило основную тему работы лаборатории на много лет вперед и помогло очистить накопившиеся флотские ЖРО. Кроме того, что немаловажно, это помогло «продержаться» многим сотрудникам лаборатории.

С.Ю. Братская, чл.-корр. РАН, зав. лабораторией: Я поступила на химфак ДВГУ с твердым намерением после третьего курса уехать в Пушкино, в Институт белка, где была возможность доучиваться с полным погружением в научную работу. Многие преподаватели отговаривали меня от этой затеи активно, но безрезультатно, пока Раиса Николаевна Золотарь, в то время преподаватель кафедры аналитической химии, не организовала встречу с Валентином Александровичем, якобы позаниматься наукой до отъезда. Немного позже, когда я уже не представляла своей жизни без лаборатории Авраменко, Раиса Николаевна призналась, что рассчитывала: харизма Валентина Александровича и интересная работа сделают свое дело без всяких уговоров, и я останусь. Так и вышло. В нашей лаборатории и в институте работает немало людей, которые, возможно, никогда не пришли бы в науку, если бы не приглашение Валентина Александровича. Когда он звал, неважно куда – сходить на сплав или подключиться к какой-то теме исследований, редко кто мог отказаться. Работа у Авраменко всегда означала, что, во-первых, это очень интересно, во-вторых, окружать тебя будут самые замечательные люди.

В студенчестве я работала в маленькой лаборатории в ДВГУ, выделенной Валентину Александровичу для дипломников. Он приходил раз-два в неделю под вечер и редко с пустыми руками. Самую большую радость от получения приборов я испытала именно в эти годы, когда при почти полном отсутствии самого необходимого для работы В.А. откуда-то принес сначала слегка поржавевший маленький сушильный шкаф, а потом – стрелочный спектрофотометр, что в корне изменило уровень моего лабораторного комфорта. В это время безоговорочной веры в то, что неработающих идей у Авраменко быть не может, я довольно часто до позднего вечера повторяла эксперименты, которые не оправдывали первоначальных гипотез, твердо уверенная, что единственная причина неудач – моя косорукость. К счастью, Валентин Александрович вовремя сказал, что если одна из 100 идей в науке срабатывает, то это достаточно хорошо.

Количество рождающихся у него ежедневно идей нередко было предметом внутрилабораторных шуток, включая им же самим повешенный плакат, гласивший: «Если у вашего начальника много идей, у вас всегда будет много бессмысленной работы». Конечно, никакой бессмысленности в работах не было никогда, а вот темы их, бывало, менялись, как картинки в калейдоскопе. Уже после ухода Валентина Александровича Зоран Дрэйс – офицер МАГАТЭ, с которым мы работали по чернобыльскому проекту, очень точно охарактеризовал присущий ему тип мышления как «explosive mind» (взрывной ум). Благодаря блестящей эрудиции полет его мысли не ограничивался какой-то узкой тематикой – зацепившись за единичный интересный факт, В.А. мог выстроить сложную гипотезу, которую тут же рвался проверять сам или пристраивал на проверку в хорошие руки. В результате в лаборатории приживались совершенно разные направления исследований.

Бесперспективные идеи безжалостно выбрасывались и никогда не доводились до публикации, несмотря на набирающую обороты наукометрию.

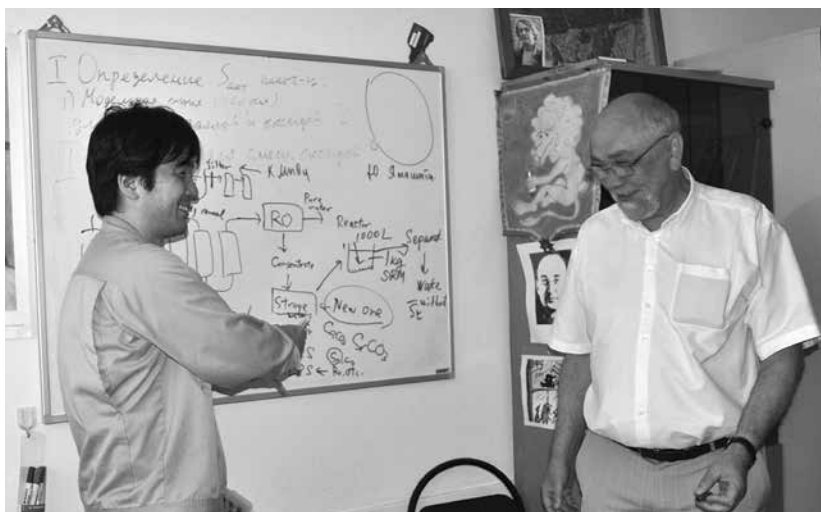
При несметном числе задумок, если В.А. по-настоящему увлекала какая-то задача, он отдавался ей полностью, не размываясь. И всегда не только сам безоговорочно верил в успех, но и легко убеждал в его неизбежности всех вокруг, независимо от возраста и званий. Эта его способность наряду с выдающимися душевными качествами привлекала и удерживала людей, обеспечивала высокий уровень энтузиазма, не давая науке превратиться в рутинную работу. Пригодность сотрудников к научной работе Валентин Александрович оценивал прежде всего по критерию «горит глаз или нет». Иногда с большим сожалением констатировал, что и уровень подготовки у кого-то хороший, и природа многое дала, но «глаз не горит», значит, толку не будет. Зато очень радовался, когда кого-то захватывала научная идея (даже если она принадлежала не ему), и появлялось поле для горячих споров и обсуждений. Именно поэтому В.А. не любил отличников, считая, что они чаще всего интересуются не идеей и работой, а формальным результатом – хорошей оценкой, похвалой преподавателей, повышенной стипендией. Испытать красный диплом можно было только самозабвенной работой. Один из его любимых фильмов – «Математик и черт» с Александром Кайдановским в роли черта, доказывавшего теорему Ферма, – хорошая иллюстрация к тому, как В.А. видел роль мотивации, радость и ценность науки, счастье в отношениях «ученик – учитель».

Прихода В.А. везде ждали как праздника. Помимо интересного научного общения людей очень привлекали его чувство юмора, потребность и способность радовать окружающих. Однажды кратко познакомившись, люди долгие годы передавали ему приветы, спрашивали о здоровье и выражали восхищение и зависть, что мы имеем возможность общаться с ним почти каждый день. Валентин Александрович очень щедро делился идеями везде и со всеми, а когда его за это упрекали, говорил: «Не жалко, мы новое придумаем, еще лучше этого». И мы всегда знали, что так и будет...

Т.А. Сокольниковская, к.х.н., научный сотрудник: Давным-давно, когда я была «молодым ученым» (примерно году в 1990-м), в институте тоже проводились сессии молодых ученых. У моего доклада был соавтор – Денис Червонецкий (тоже тогда молодой ученый) и руководитель – Валентин Александрович Авраменко, и этому докладу присудили первое место. А премия за первое место составляла 100 рублей.

Сплав по реке Кема (В.А. Авраменко, А.В. Войт, В.В. Черных). 2008 г.

В.А. Авраменко с представителем компании Тошиба. 2013 г.

Через некоторое время к нам в 302-ю лабораторию заходит бухгалтер, ужасно возмущенная: «Где этот Авраменко? Что вы себе позволяете? Это все-таки деньги! Это все-таки документ! А вам все шуточки!»

Выясняется, что бухгалтерия попросила В.А. написать представление, как выплатить эти сто рублей – кому и сколько. В.А. Авраменко написал следующее: «Прошу выплатить Авраменко В.А. – 33 руб. 33 копейки, Сокольниковой Т.А. – 33 руб. 33 копейки, Червонецкому Д.В. – 33 руб. 33 копейки. Остальную сумму прошу перечислить в Фонд мира».

Когда В.А. пришел, я ему сказала: «Бухгалтерия очень ругалась, шутку Вашу не оценила». На что он пожал плечами: «А что я могу сделать? Ну не делятся сто рублей на троих поровну!»

Д.В. Маринин, к.х.н., бывший сотрудник лаборатории, ученый секретарь (о преодолении «лингвистических болот»): Валентин Александрович Авраменко знал очень много (и во многих очень разных областях), всем интересовался и всегда имел особое мнение, которое отстаивал со всем напором своего взрывного темперамента – естественные науки (химия, физика etc.), политика и политология (включая любой текущий момент), военная техника, история (разные эпохи и регионы), поэзия (писал стихи сам), проза, живопись, опера (вспомнил как-то навскидку второстепенного персонажа оперы «Хованщина», которого я забыл сразу после просмотра). Английский язык он тоже знал, судя по тому, как читал иностранные статьи («по диагонали»), выхватывал основное и потом разбирался с авторами и с их идеями и подходами – для него всегда присутствовал challenge, чтобы разобрать идею, выяснить ее слабые места и выдать свою, лишнюю недостатков и предлагающую решение проблемы, непременно простое и эффективное. Но выражать свои мысли при общении с зарубежными коллегами в сложных конструкциях (а иначе нельзя было никак) ему было трудно, отчасти от недостатка опыта общения, но главным образом потому (на мой взгляд), что он всегда стремился делать все наилучшим образом, а в данном аспекте не мог для себя это гарантировать.

В связи с этим мне пришлось поехать с ним на некоторые конференции, и прежде всего на совещания и экспертные миссии МАГАТЭ, в качестве скорее не переводчика, а «доносителя мыслей». Ездили часто вдвоем на один грант, хотя некоторые участники совещаний, знавшие язык хуже его, старались говорить сами (это было тяжелое зрелище). А Валентин Александрович старался добиться максимального понимания, при этом строго контролировал адекватность результата перевода (документы, выступления с презентацией, диалог с коллегами) – никаких послаблений и отсебятины.

Я наблюдал, как реагировали на него совершенно разные люди, и это не было содержание выступления или разговора само по себе – тут большую роль играли экспрессия, body language, явная убежденность в своей правоте, быстрая реакция на вопросы, старание разобраться в проблеме здесь и сейчас. Вспоминаются люди, находившиеся под большим впечатлением именно от личности, которую было видно вне зависимости от культурных барьеров (язык как основа культуры), а не какого-то сухого текста или презентации, и прямо говорили мне об этом: чешский профессор, крупный специалист в области радиохимии (он, правда, неплохо знал русский, но тем не менее); группа индийских сотрудников их главного ядерного центра; американский профессор из Savannah River National Lab; невозмутимый финский профессор (участник разговоров в курилке); а также представители Австралии, Аргентины, ЮАР и др.

Упомянутый уже Зоран Дрейс (достаточно высокопоставленный сотрудник МАГАТЭ) был покорён Валентином Александровичем именно на «экстра-лингвистическом уровне» – когда они что-то обсуждали в курилке; меня там не было, но они явно умудрялись договариваться по сложным вещам, хотя формально их контакт серьезно осложнялся этими самыми «лингвистическими болотами». Именно такое общение было важным фактором того, что наше участие в проектах МАГАТЭ развивалось и продолжается сейчас.

Ну а в поездках за рубеж всегда присутствовало ощущение, что историю той страны, где мы в данный момент находимся, Валентин Александрович знал лучше (и в серьезных деталях), чем большинство местных жителей (не считая узких специалистов).

Е.К. Папынов, к.х.н., старший научный сотрудник: Вне зависимости от ситуации, любому человеку без исключения необходимо давать второй, а то и третий шанс...». Эти многообещающие слова, регулярно произносимые даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях справедливым начальником, грамотным руководителем и, главное, безупречным «философом» Валентином Александровичем Авраменко, определили судьбу

На Совещании консультантов по совместному проекту МАГАТЭ «Новые разработки и усовершенствования при обращении с «проблемными» радиоактивными отходами». Индия, г. Мумбай. 2006 г.

многих людей, подарив им возможность заниматься любимым «научным делом» с полной самоотдачей. В число таких счастливицков попал и я, получив в сознательный период своей молодости лучшего наставника, определившего стратегию моего безупречного будущего.

Выдающийся ученый, доктор химических наук, член-корреспондент РАН, лучший, по моим представлениям, специалист во всех областях химических знаний, который подарил обществу полезнейшие научные идеи и разработки, отмеченные высшими государственными наградами, воспринимал все это как непосильную ношу, а также как главную причину всех сложностей в своих рабочих взаимоотношениях с научной молодежью. Вкладывая значительную часть своих усилий в поиск и развитие талантливых ребят из числа студентов, аспирантов и молодых ученых, а также в формирование у них научных интересов и желания развиваться, он, без сомнения, использовал все возможности для снижения значимости своего статуса. В моменты подготовки к лекциям он повторял, что донести информацию до студентов можно двумя путями: либо поднять их до своего уровня знаний, что в короткие сроки невозможно, либо спуститься на их уровень, что вполне достижимо. При этом в текст лекционных презентаций он вставлял фотографии различных животных, например обезьян, и в ходе чтения лекций показывал на них пальцем и говорил, что его интеллект чуть больше, чем у обезьяны, и отличается лично он от глупого животного только умением читать и желанием развиваться. Еще один оригинальный педагогический подход, который Валентин Александрович популяризировал среди студентов, – финансовые поощрения за написание лучших научных проектов, которые он обеспечивал за счет своих личных средств. В некоторые моменты студенты начинали активно посещать все занятия, касающиеся научной работы, а после них выстраивались в очередь со своими трудами и лозунгом «дайте денег!», вводя в заблуждение других преподавателей, которые не были вовлечены в благотворительные акции «щедрого член-корра».

Кроме этого, его педагогические методики, включающие остроумнейшие, с глубоким смыслом анекдоты, без преувеличения, заслуживают авторских свидетельств и внедрения в массы, так как применимы не только в профессиональной сфере, но и в личной жизни каждого.

В работе с В.А. Авраменко всегда подкупала масштабность выбранных и поставленных им задач, в решение которых он вовлекал всех без исключения, от студентов вузов до ведущих научных сотрудников НИИ. Успешность достижения научной цели обуславливалась его непоколебимой верой в научные идеи, а также в людей, воплощающих эти идеи в жизнь. Вся деятельность «заряжалась» на мощный научный результат, который подобен условной «бомбе», способной взбудоражить научное сообщество. Основную ставку он делал на молодых ученых, указывая на то, что их пытливые умы еще не загружены ненужной информацией, как в случае с ним, и тревожащими его проблемами в области «политической химии». Он был убежден, что ученый, который способен получить уникальный результат, должен на начальном этапе научной карьеры верить в свое перспективное будущее, а также ценить своих коллег и место (лабораторию), где рождается эксперимент.

В МАГАТЭ. 2015 г.

Мое личное понимание уникальности В.А. Авраменко главным образом определяется его отношением к людям, среди которых он никогда не выделял хороших и плохих. Его классификация включала «исключительно замечательных» и «глупых» людей, согласно их действиям. При этом он с равнозначной добротой и положительным оптимизмом относился ко всем без исключения, ссылаясь на временные индивидуальные сложности каждого человека. Призывая других к подобному отношению, он опять и опять напоминал о «втором шансе», которого заслуживает каждый. В один из моментов моего негодования по поводу таких щедрых подарков людям, которые этого зачастую не заслуживают, я был переубежден очередным его высказыванием: «Не страшно дать дополнительный шанс человеку, а критически страшно его навязать, так как в первом случае он его может потерять без последствий, а во втором принять его за единственный правильный выбор. Основная разница – степень ответственности за судьбу человека. Главное – не раздавать шансы, потому что это несложно, а развивать умение оценивать последствия и в нужный момент брать за них ответственность». Именно такие и подобные этому высказывания накапливались в моем сознании в качестве фундамента жизненного опыта, выделяя В.А. Авраменко как мудрейшего учителя моей молодости. Бережное и внимательное отношение, полезные советы, взвешенные мысли и правильные решения – только часть того лучшего, что он подарил своим молодым подчиненным, будучи руководителем с большим жизненным опытом.

Е.В. КАПЛУН, В.В. ЖЕЛЕЗНОВ,

*А.В. ВОЙТ, *С.Ю. БРАТСКАЯ,*

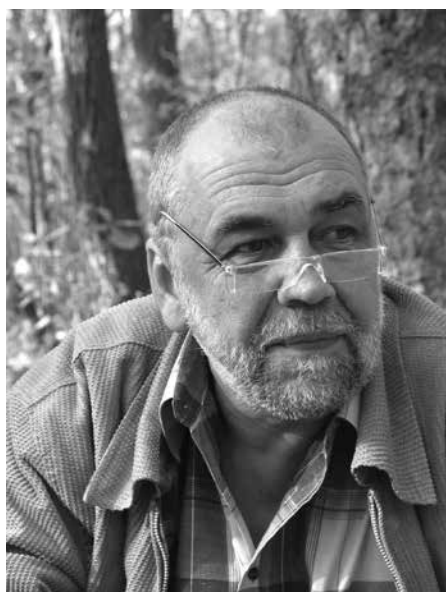
Т.А. СОКОЛЬНИЦКАЯ, Д.В. МАРИНИН, Е.К. ПАПЫНОВ.

**E-mail:s.bratskaya@gmail.com*

История одного сотрудничества

Валентин Александрович Авраменко жил наукой. Он был открытым человеком, поэтому многие стороны его жизни хорошо известны окружающим. Я расскажу о малоизвестных отношениях между маститым ученым – доктором геолого-минералогических наук, заведующим лабораторией гидрохимии и геохимии Тихоокеанского океанологического института Михаилом Федоровичем Стащуком и молодым кандидатом химических наук Валентином Александровичем Авраменко.

Была прекрасная приморская осень 1977 г. К этому времени я прожужжал уши Михаилу Федоровичу о моем талантливом друге – специалисте в области термодинамики поверхностных явлений. А перед Вале́й я хвастался, какой у меня замечательный шеф, приехавший к нам из теплого Крыма и написавший книгу «Проблемы окислительно-восстановительного потенциала в геологии» (М.: Недра, 1968). Краткий отзыв на нее известного геолога-академика того времени заключался в фразе: «эта книжка – заявление в нарсуд на советских геологов». Кто из нас троих был инициатором знакомства Михаила Федоровича и Валентина Александровича, я не помню. В одну из пятниц во второй половине дня мы взяли рюкзаки и отправились к водопаду на р. Стеглянуха, что на Шкотовском плато. Перед походом с Вале́й обсуждали вопрос о «горячительных» напитках и решили не брать их, чтобы не упасть «в грязь лицом» перед знаменитым геохимиком. Однако после того как поставили палатку и разожгли костер, в руках у МФ обнаружили бутылку с этикеткой «Водка русская». После первой рюмки мои друзья начали спор, темой которого была граница применимости равновесной термодинамики к исследованию такой открытой системы, какой был океан. Я в этом споре не участвовал, так как чувствовал слабость своих знаний, просто наслаждался мужской дружеской атмосферой. После

В лесу Академгородка. 2004 г.

полуночи было достигнуто согласие в том, что океан как открытая система должен изучаться с самых общих позиций методами неравновесной термодинамики, но равновесная термодинамика может и должна использоваться для изучения ионного равновесия морской воды, гетерогенного равновесия на границах раздела фаз (морская вода/воздух, морская вода/осадок) и аутигенного минералообразования. Вопрос о методах исследования распределения растворенных веществ морской воды в поле температур и давления остался нерешенным (взгляды разошлись).

На следующий день мои друзья, один родом из Ферганы, а другой – из Крыма, осматривали достопримечательности приморской природы, а я отправился на рыбалку в надежде поймать форель или ленка. К вечеру мы вновь собрались у костра. Уха из двадцати голянов была готова, Валя и МФ собрали много кишмиша оранжевого цвета, с перечным вкусом, и лимонника. Михаил Федорович впервые попробовал эти

ягоды и был в восторге. Особенно ему понравился лимонник. В этот раз вечер был мирный – мы пили чай и слушали лекцию о железомарганцевых образованиях в океане. Как известно, эти образования представлены корками (на скалистых склонах подводных гор) и яйцевидными конкрециями, лежащими на песчаном грунте. Запомнились две загадки, о которых говорил Михаил Федорович – несмотря на медленный (в геологических масштабах времени) рост этих образований, они не захораниваются потоком взвешенного вещества и всегда находятся в океане на границе раздела вода/морское дно. Другая их особенность – избирательная способность накапливать в себе ионы никеля и кобальта, в связи с чем железомарганцевые конкреции имеют промышленное значение. Лекция постепенно превращалась в программу научных исследований, и мы оба «рвались в бой». Валею интересовали сорбционные способности железомарганцевых образований, а меня – окислительно-восстановительные потенциалы. Однако нашим планам не было суждено быстро реализоваться, так как Михаил Федорович вскоре вернулся в Крым.

Эти «семинары» у реки Стекланухи не забылись их участниками. Через несколько лет Михаил Федорович вернулся во Владивосток, написав книгу «Термодинамика и ее применение в литологии» (М.: Наука, 1985). Мои робкие попытки применения линейной неравновесной термодинамики к изучению океана МФ прервал и заставил написать диссертацию по равновесной термодинамике морской воды, а Вале он предложил сотрудничество по изучению сорбционных свойств железомарганцевых конкреций (ЖМК). В рамках этого

Студенты П. Тищенко и В. Авраменко. Поездка на вольфрамовый рудник Восток-2, куда летом в ССО «Универсальф» строили дорогу Восток–Рошино. Февраль 1971 г.

сотрудничества изучались сорбции кобальта и никеля на ЖМК, «истинная» поверхность ЖМК, степень окисленности марганца. Результаты были опубликованы в лучших советско-российских журналах («Доклады Академии наук» и «Геохимия»). Сотрудничество в этом направлении оборвалось в 1991 г. в связи со смертью Михаила Федоровича от инфаркта.

Читая книгу «Термодинамика и ее применение в литологии», я вспоминал наши споры у реки, и мне казалось, что некоторые мысли, затронутые в этой книге, были озвучены тогда, у костра. Чьи они были, я не помню, так как спор был горячий, а узнать уже нет возможности. Как нет возможности спросить у Вали о том, насколько повлияло совместное с МФ изучение сорбции кобальта железомарганцевыми конкрециями на разработку знаменитой технологии очистки радиоактивного раствора кобальта с участием оксидов железа и марганца. Предполагаю, что с большой долей вероятности ответы любимых мной ярких, талантливых ученых, какими были Михаил Федорович Сташук и Валентин Александрович Авраменко, были бы односложными и одинаковыми – «никак». Однако дух сотворчества и дружбы между ними присутствовал, и он взаимно обогащал это сотрудничество.

*П.Я. ТИЩЕНКО,
доктор химических наук
(Тихоокеанский океанологический институт ДВО РАН,
Владивосток). E-mail:travel@poi.dvo.ru*

Азарт, призвание и признание

У каждого ученого своя дорога в науку. Кто-то педантично шел в нее с младых лет, кто-то увлекался ферией химических опытов на факультативных занятиях в школе, а кто-то стремительно врвался в эксперимент уже в студенческие годы, как это произошло и с Валентином Александровичем. Первыми детскими игрушками для него были пробирки и колбочки у мамы на работе в химической лаборатории в далекой Фергане. Возможно, это и определило его поступление на химический факультет ДВГУ. Но свои отроческие годы он проводил в путешествиях по отрогам Памиро-Алая со старинным дедовским ружьем с серебряными накладками.

Первые годы обучения в университете прошли ярко, но не в научном направлении. Виктор Юрьевич Глущенко, тогда декан химического факультета, увидел этого неприкаянного, но талантливого студента и пригласил его в свою лабораторию. С каким азартом Валентин бегал по перевалам и ущельям Памира, с таким же он ринулся в физико-химические эксперименты. Его установки занимали все пространство комнаты, стеклянные трубки опутывали стены и потолок, к ним присоединялись различные приборы. Вся система под глубоким вакуумом, и Валентин с газовой горелкой летал по лаборатории, подпайвал трещины в стекле для удержания вакуума. В некоторые минуты, когда в очередной момент раздавался музыкальный щелчок треснувшей трубки и вакуум падал, было опасно заходить в комнату. Авраменко был страшен в гневе, хотелось спрятаться и отсидеться где-нибудь подальше. Он защитил свою кандидатскую диссертацию на второй год после окончания университета – первый в выпуске. Его диссертация напоминала мне лекции спецкурса «Избранные главы

К.х.н. В.А. Авраменко. 1986 г.

Сплав по р. Сица (Тигровая). 1989 г.

теоретической физики», и я быстренько перелистал ее, не вникая в содержание и боясь признаться в непонимании написанного.

Наш выпуск был на год младше, мы мало пересекались в студенческие годы со смежными выпусками. У нас собралась инициативная группа увлекающихся пешим и водным туризмом, закончили факультет общественных профессий инструкторами по туризму. К окончанию университета за плечами были категорийные маршруты по Приморью, Камчатке и Курилам. Были пройдены некоторые спортивные реки Приморья и БАМа. Валентин Авраменко, уже защитившийся и находящийся «в свободном полете», пошел с нами на открытие сезона на р. Тигровая в Партизанском районе. Несерьезные шиверы, прижимы и порожек, наши рассказы о пройденных реках так взволновали его, что он загорелся – не только догнать нас, но и перегнать, стать лучшим, что очень характерно для него. Валентин быстро собрал свою команду и начал осваивать реки, практически без разбора, по 2-3 реки в год. И через несколько лет уже обгонял нас, с десятилетним «стажем». Он приобрел каяк и в одиночку сплавлялся по рекам. Возможно, это позволяло ему, оторвавшись от суеты бытия, философствовать, находить правильные решения. Энциклопедическая память позволяла ему делиться подробностями сплавов десятилетней давности, он стал завзятым летописцем и идеологом наших совместных походов.

Потом было азартное увлечение морем, точнее, военным флотом. Его технологии очистки морской воды от радиоактивных отходов до сих пор широко применяются на практике. Он становится экспертом МАГАТЭ. Много времени проводит в командировках и экспедициях, забираясь иногда в невероятные места. Это азартное увлечение отвлекало его от оформления докторской диссертации – ему гораздо важнее было увидеть реальные результаты своих разработок. На этом поприще он создал свою научную школу, которая и сейчас развивается по канонам, заложенным Валентином Авраменко.

Конечно, военный флот – это значимо, но я всегда уговаривал его обратить внимание на область наук о жизни. Что может быть интересней, чем изучать жизнь на молекулярном уровне? Предлагать новые разработки, повышающие качество жизни, методологии по диагностике и терапии социально значимых заболеваний. Лет пять назад спонтанно возник неформальный консорциум увлеченных наномедициной. Идеологом его стал проф. ТГМУ В.И. Апанасевич, который указывал на злободневные вопросы практической онкологии и призывал нас к решению тех или иных задач. Чл.-корр. РАН В.А. Авраменко и проф. М.А. Медков возглавили технологическое направление. В консорциум также вошли

физики, рентгенологи, биологи и медики. Мы собирались раз в два месяца, обсуждали сделанное, строили планы, подбирали рабочие группы. Энциклопедический ум Валентина, его технологический опыт не позволяли нам уходить в сторону или по неверным направлениям. Он корректно возвращал нас на путь истинный, с юмором, без обид.

Последние десять лет его женой, подругой и соратником была Ирина Романова, которая, как жена-декабристка, сопровождала его в тяжелые годы жизни. Она создавала для него комфорт, дабы ничто не отвлекало Валентина от его научной работы. Хотелось бы выразить ей искреннюю благодарность за это.

*П.А. ЛУКЬЯНОВ,
доктор химических наук, профессор
(Тихоокеанский институт биоорганической
химии им. Г.Б. Елякова ДВО РАН,
Владивосток). E-mail: paluk@mail.ru*

Специалист с мировым именем

Валентина Александровича Авраменко я знала с 1973 г., когда он был студентом 5-го курса химического факультета ДВГУ и выполнял дипломную работу на кафедре неорганической химии, а я была аспирантом той же кафедры. Умный, талантливый, веселый и остроумный – таким запомнился мне он в те годы. В 1985 г., когда Валентин Александрович перешел из ДВГУ в Институт химии ДВО РАН, мне передали курс «Строение вещества», который он читал. Я обращалась к нему за консультацией и получала ее.

С первых дней создания Школы естественных наук (ШЕН) ДВФУ Валентин Александрович стал заместителем директора, руководителем химического кластера. Что отличало его как руководителя? Прежде всего уважение к людям, к традициям, к своей «альма-матер». В его общении с коллегами не было ничего от начальника, желающего

В.А. Авраменко и А.А. Капустина на праздновании Дня химика в Пушкинском театре. 2015 г.

показать, что он главный. Уважение к Валентину Александровичу нас, его коллег, – это уважение к талантливому, умному, болеющему за коллектив, готовому прийти в нужный момент на помощь человеку.

У Валентина Александровича Авраменко было невероятное чутье на талантливых студентов, он сразу выделял их среди других, старался помочь реализовать их таланты. Среди его учеников – получатели многих именных стипендий.

Как профессор кафедры он не просто читал учебный материал – он делился своим опытом. Валентин Александрович преподавал магистрантам два авторских, разработанных им курса. В курсе «Руководство научным коллективом в сфере профессиональной деятельности» он щедро делился опытом написания научных грантов, аспиранты и магистранты успешно используют этот опыт. В курсе «Современные проблемы химической технологии» прививал знания в области утилизации радиоактивных отходов, современных экологически чистых технологий, в которых он был специалистом с мировым именем.

Память о Валентине Александровиче Авраменко, замечательном ученом и человеке, навсегда останется в наших сердцах.

*А.А. КАПУСТИНА,
кандидат химических наук, профессор
(Дальневосточный федеральный университет).
E-mail: kapustina.aa@dvfu.ru*